

^ Альбом натуралиста. Улитка Мот

Мы продолжаем публиковать мифы 130-го квартала. Их рассказывает заслуженный баюн, собиратель современного городского фольклора Козьма Кварталов. Просим не относиться к его байкам как к историческим свидетельствам. Это скорее сказки, где историческая правда переплетена с современным вымыслом. Появление таких мифов – признак живого интереса и развития города. Или хотя бы одного квартала.

Ключевые слова: Иркутск, 130-й квартал, мифология, современный фольклор, социальная психология, урбанистика./

We continue to publish the myths of the 130 Quarter. They are told by an honored crooner, collector of the modern city folklore Kozma Kvartalov. Please do not treat his stories as historical accounts. They are more like fairy tales where the historical truth is interlaced with contemporary fiction. The occurrence of such myths evidences a vivid interest and development of the city. Or at least a city quarter.

Keywords: Irkutsk; 130 Quarter; mythology; modern folklore; social psychology; urbanistics.

Мифы 130-го квартала. Продолжение / Myths of the 130 Quarter

текст
Козьма Кварталов
графика
Яна Лисицына /
text
Kozma Kvartalov
graphics
Yana Lisitsyna

Обманное богатство

Здесь, на этом месте, раньше жил один купец; с ним произошла удивительная история, когда после пожара 1874 года он начал на месте старого строить себе новый дом и обнаружил под фундаментом прекрасную резную шкатулочку, набитую разными драгоценностями. Кольца там были желтого и красного золота, перстни с печатками и камнями нездешними – изумрудами, рубинами и сапфирами. Купец сразу углядел мasonicкие знаки на печатках, а еще сообразил, что камень в перстнях старой работы, индийской. Припомнил он, что вдова, у которой был куплен дом, много плакалась на покойного мужа, что ничего ей не оставил и приходится не только дом, но и все пожитки продавать за бесценок. Купец решил отыскать старушку и вернуть ей находку. Однако ж оказалось, что старая вдова давно уехала из города к родне на Рязанщину, а посланное ей письмо с рассказом о шкатулке вернула, приложив записку: «Не надо мне, батюшка, твоих колец. Да и сам остерегись: такие вот тайны моего супруга и разорили, и погубили». Купец, конечно, подумал, что бедняжка от горя умом подвинулась. Однако же других наследников у сокровища не отыскалось, и решил он понемногу распродать находку.

Раз нашел покупателя, уговорился, пришел на торг, достает из кармана кожаный мешочек с изумрудным кольцом, вытряхивает на подносик, а там – оловянная безделушка с мутным бутылоч-

ным стеклом. Еле замял скандал. Подумал, что обокрали его дорогой или кто из врагов шутку злую подстроил. Вернулся домой, открыл шкатулку, чтобы пересчитать, не пропало ли еще чего, а вопросный перстень с изумрудом – вот он, на самом верху лежит. Рассердился купец, подумал, точно кто-то с ним шутки шутит. Перепрятал шкатулку, взял на продажу другое кольцо. Золотую печатку.

До самой сделки на пальце ее носил, чтоб ни-ни... Пришел в дорогой ювелирный магазин на Амурской. Перчатку с руки снимает и видит что на пальце у него свинцовое кольцо с печаткой. А на печатке такое написано, что и сказать срамно.

И так оно пошло-поехало. Купец все упорнее старался продать свои сокровища, а по городу слухи поползли, что дела с ним иметь не надо: нечисто с ним что-то, чудной он стал. А для купца репутация что добрый капитал.

Стал и попивать наш купец. Вот под пьяную лавочку и поделился как-то с другом своими бедами про зачатые кольца из старой шкатулки. А друг его с китайцами знался, чаем торговал да шелком. И сразу купцу поверил. И предложил отнести всю шкатулку к одному давно знакомому старому китайцу, спросить – что-то тот присоветует.

Китаец шкатулку оглядел, открывать не стал, ухмыльнулся и спросил, сколько за нее хочет хозяин. А хозяин уже был готов отдать и даром, лишь бы сбыть. Так и отдал – почти даром, за тук дорогого чаю.

Китаец осторожно взял шкатулку в шелковый обрез, окурив палочкой и унес куда-то. С тех пор его в Иркутске не видали.

Потусторонний патруль

Не секрет, что на месте нынешнего квартала была старая малина – опасный и вонючий притон мелких воров, самогонщиков, нищих и дешевых девок. Возле церкви было обычное место сходок всего этого сброда, где случались и драки, и поножовщина, и грабежи с убийствами. Ходило много слухов о спрятанных у реки награбленных ценностях.

Когда клоповник волевой рукой снесли в одночасье, местный криминалитет рассеялся по городу. Кое-кто уехал, кое-кто помер. Землю выровняли, сложили новые фундаменты, построили канализацию, фонари везде поразвешали, улицы замостили и вообще облагородили местечко. Но, как водится, к словам экстрасенсов и просто понимающих людей не прислушались – ничего для реорганизации старой энергетике квартала не сделали.

Однако же каждый может заметить, что энергетика в квартале хорошая – спокойно, безопасно, ни драк, ни пьяных безобразий. А почему?

Видящие и слышащие люди говорят, что в квартале действует «потусторонний патруль». Это души невинных жертв, когда-то погибших в квартале, объединились в светлый отряд, который поклялся беречь и защищать людей от злых умыслов и

^ Иркутские листочки. Думка

^ Иркутские листочки. Ветер

преступных деяний. Тех, кто входит в квартал с дурными намерениями, преследуют навязчивые страхи.

Призраки и раньше являлись своим убийцам, пугали их, совестили, – в общем, сокращали им жизнь. За то, что свой срок на земле им дожить не дали, они злым людям спокойно доживать мешали. Вот и теперь они тем же заняты. Вору, пьянице непотребному, любителю драк – только подойдет они к кварталу – призраки то шепчут страшно прямо в уши, то могильным холодом в затылок подуют, а то и так сделают, что подвернется нога на ровном месте, в глазах потемнеет... и до сердечного приступа довести могут.

Поэтому в квартале так спокойно. Дети бегают, свадьбы фотографируются. Люди друг друга не боятся. Кто и не знает, а все равно чувствует: если уж человек в квартал вошел, – значит, хороший человек, с добрыми мыслями и намерениями.

Фэншуй сибирский

В прежние времена, когда крепкий хозяин собирался дом ставить, то загодя начинал, года за два. По осени в лес ездил, присматривал деревья на сруб – лиственницу на нижние венцы, сосну на остальные. Потом зимой, пока в бревне соков мало, эти деревья валили, сучковали да ошкуривали и оставляли сохнуть годика на полтора. Не то станет бревно в срубе сохнуть, да неровно – и поведет его, пойдет дом щелями, а то и вовсе перекосит его так, что и глянуть будет позор-

но. Вот, люди скажут, торопыга строился. Черти за ним гнались, не иначе.

А еще приглашали специального человека, чтобы место для будущего дома разведать. Под домом обязательно подвал рыли, да глубокий – чтобы не промерз за всю длинную сибирскую зиму. Метра два, а то и три глубиной должен быть подвал, тогда в нем круглый год будет одинаковая температура, градусов десять. В таких подвалах и соленья-квашенья всякие хранили, и муку, и ягоды сушеные (а без этих витаминов зиму не пережить). Небогатый купчина иногда и рабочий кабинет себе устраивал в подвале, поближе к припасам да запасам. Заодно и тихо, и укомно, и прохладно, чтобы за конторскими книгами в сон не тянуло.

Специальный же человек нужен, чтобы подвал получился сухой. Иркутск весь стоит на песке да галечнике, грунт рыхлый. Особенно по весне, как снег таять начинает – а снегу за зиму накопилось немало, – по этим подземным слоям целые реки текут. Если место неправильно выбрано, так зальет подвал, что и дом весь отсыреет, плесенью пойдет да и сгниет за три года.

Как раз в сто тридцатом (по-нынешнему) квартале в конце восемнадцатого века жил знаменитый на весь город знаток. Незнатного рода, да и собой невидный, обычный какой-то. Но место под будущий дом находил – безошибочно. Походит кругом, на солнышко поглядит, землю поковыряет. Травинку сорвет, пожует: много ли сока в

ней? В ближние колодцы аукнет: далеко ли до воды? В общем, то ли колдует, то ли посмеивается, только если уж указал место для дома, так и будет дом стоять триста лет сухой да крепкий.

Иркутские буряты его в шутку (а может, и не в шутку) прозвали «русский шаман». У самих-то бурят шаманы никогда под землю не заглядывали, им и незачем. Юрта без подвала стоит.

Приезжали в Иркутск китайцы, поглядели, как наш знаток работает, да и говорят: фэншуй, мол. Разговаривает он, дескать, с драконами, подземных вод хозяевами.

Но тут вышла история такая, по нынешним временам диковатая. Над кварталом-то, на пригорке, стоит церковь во имя Воздвижения Креста Господня. И вот, повадились в этой церкви попы да служки с черными книгами баловаться. Колдовские эти книги в Сибирь попадали вместе со ссыльными да беглыми церковниками, кто под искушение подпал. Власть сулили эти книги, богатство – вот братия и прельщались. А иных соблазняло, что в черных книгах якобы истинное Слово Божье обреталось, которое никониане от народа спрятали. Да еще язычники кругом – якуты да калмыки со своими шаманами, ламы из Тибета со своей суровой мудростью, китайцы лукавые. Даже из Индии буддийское учение доходило, о восьмеричном пути спасения от страданий.

И вот, в один из дней прибыла в Иркутск тайная комиссия от Святейшего синода. Сперва втихо-

молку слухи собирали. А церковная братия не особенно и пряталась. До сих пор на всех стенах Крестовоздвиженской церкви видны буддийские символы: тут тебе и колесо сансары с восемью спицами, и сандрики в виде языков пламени, знак майя, мировой иллюзии. Травками лечебными мирян в церкви пользуют по шаманским рецептам. Книжки хранят старообрядческие, до Никониной реформы писанные. В общем, начали церковную братию хватать да в застенки генерал-губернаторские упрявывать. А там, под кнутом да каленым железом, они уже многих оговорили, кто и был к чернокнижию причастен, а кто и не был.

И мастера нашего приплели. Схватили, да так и уморили в застенке. С тех пор бывали и другие мастера подземные воды угадывать. Многие дома в старом Иркутске на правильных местах стоят. Но таких точных мест, как в сто тридцатом квартале, уже не было. Каждый дом тут стоит верно, и, если его не трогать, не теснить новыми постройками – будет стоять триста лет сухой да крепкий.

Такой вот сибирский фэншуй.